

На правах рукописи

004605821

Антоненко Дмитрий Викторович

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ БОЕВЫХ
ИСКУССТВ В КУЛЬТУРУ РОССИИ XX – НАЧ. XXI ВВ.**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

24 ИЮН 2010

Санкт-Петербург
2010 г.

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена»

Научный руководитель: Доктор искусствоведения, профессор
МОСОЛОВА Любовь Михайловна

Официальные оппоненты: Доктор педагогических наук, профессор
ПОНОМАРЁВ Геннадий Николаевич

Доктор философских наук, доцент
ХЛЕВОВ Александр Алексеевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский
государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится « 07 » 06 2010 года в 17⁰⁰
часов на заседании Совета Д 212.199.23 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при Российском государственном
педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 197046, г.
Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д.26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им.
А.И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, д. 48.,
корп. 5.

Автореферат разослан « 06 » 05 2010 г.

Ученый секретарь Совета по защите
докторских и кандидатских диссертаций
кандидат культурологии

Шпинарская Е.Н.

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена изучению истории освоения дальневосточных боевых искусств как культурного феномена в России. Основными темами исследования стали вопросы, связанные с выявлением принципиальных особенностей культуры Дальневосточного региона, позволивших сформироваться уникальной в мировом масштабе дальневосточной традиции боевых искусств, с характеристикой её духовно-философской компоненты, изучением эволюции этой традиции при переходе как от традиционного типа культуры к глобализирующейся и инновационной культуре современности внутри самого Дальнего Востока, так и при пересадке на иную (в данном случае российскую) «культурную почву», и наконец – с ролью дальневосточной традиции боевых искусств как кросс-культурного медиатора и транслятора культурного наследия Дальнего Востока в условиях его взаимодействия с российской культурой.

Актуальность исследования.

В наше время, отмеченное впечатляющим усилением процессов взаимодействия различных культур, модернизацией и глобализацией, особую значимость, причём не только отстранённо-научную, но и практическую, приобретают исследования, посвященные кросс-культурной компаративистике и коммуникации. Одной из основных тем подобных исследований является проблема соотношения и межкультурного диалога Запада и Востока. Восточная культурно-цивилизационная парадигма на сегодняшний момент остаётся единственной существующей в мире актуальной и жизнеспособной альтернативой парадигме западной, которая в своём европейско-американском варианте претендует на роль и звание общемировой. Причём, в рамках восточного типа именно Дальневосточный культурный регион в наибольшей мере демонстрирует в основополагающих принципах своей культуры полярность Западу. Однако эта взаимная альтернативность Дальнего Востока и Запада проявляется лишь в культурно-типологическом аспекте, а в аспекте конкретно-историческом на наших глазах происходит взаимопроникновение и синтез этих двух глобальных парадигм.

Важной причиной интереса к дальневосточным боевым искусствам вне исконного ареала их генезиса может послужить выполняемая ими функция медиатора межкультурного общения. Распространение боевых искусств в России является одним из существенных факторов, стимулирующих интерес к дальневосточному культурному наследию и способствующих его восприятию широкими слоями населения. Во второй половине XX века в Россию начинают активно проникать различного рода восточные системы, первоначально осознаваемые здесь как относящиеся преимущественно к области физической культуры: боевые и спортивно-боевые (каратэ, у-шу, айки-до, таэквон-до и др.) и оздоровительные (ци-гун, «мягкий» тайцзи-цюань). К началу XXI века количество приверженцев этих систем в России

достигает огромных величин, которые вряд ли поддаются сколько-нибудь точной оценке. Являясь одним из важнейших символов всей дальневосточной культуры, боевые искусства неизбежно в значительной степени стимулируют интерес и транслируют содержание того культурного наследия, частью которого они являются.

Наряду с глобальностью, типологическим многообразием, диалогичностью современной культуры одной из её важнейших особенностей является телоцентричность. Телоцентризм стал следствием общей смены культурной парадигмы, выразившемся в отходе от классического рационализма с его культом активизма, прагматизма и идеоцентризма, или «логоцентризма», как называл его Ж.Деррида. Идея, «логос» были если и не вытеснены окончательно, то как минимум существенно потеснены в роли системообразующего центра современной культуры телом – источником первичного опыта, и в этом качестве – главной жертвой логоцентризма в культуре прошлого и одновременно главным средством его преодоления в культуре настоящего и, вероятно, будущего.

Телоцентричность современной западной цивилизации проявляется и в телесно-визуалистской ориентации социальной и экономической сфер (консьюмеризм, культ здоровья, сексуальная акцентуация, процветающая порноиндустрия, бурное развитие сексуального туризма, формирование и продвижение привлекательных имиджей в рекламе, политике, искусстве, религии и науке, роль новой образности в виртуальной реальности информационных технологий). В значительной мере оторвавшаяся от органичности телесных практик (в первую очередь труда) в традиционных культурах, современная урбанистическая цивилизация вынуждена в качестве их замены порождать такие эрзацы естественной телесной практики, как спорт, зарядка, фитнес, джоггинг, бодибилдинг и т.д. Боевые искусства выполняют в современной культуре эту же роль, хотя их значение здесь ею далеко не исчерпывается.

Сюда же следует отнести и такие явления, как сексуальная революция с её отменой идеологических запретов на изображение и выражение сексуальной природы человека; эротику, порнографию и проституцию как часть публичной социальной жизни; культ молодости, одним из важнейших проявлений которого выступает стремление как можно дольше сохранять молодость тела с помощью разнообразных физических практик (упражнений, диет, процедур), или хотя бы её видимость с помощью косметических средств и пластических операций. Пластическая хирургия является не только средством визуальной консервации тела, но и средством его «улучшения», модификации в соответствии с желаниями владельца, которые, в свою очередь, определяются стереотипами массовой культуры. Достижения биологии и медицины радикально меняют отношение к телу. Оно перестаёт быть априорной данностью и становится полем преобразующей деятельности самой личности. Если в традиционных обществах личность была вынуждена «находиться» в том теле, которое ей дала природа, то теперь она может радикально перестроить телосложение с помощью достижений спортивной

методики и фармакологин, изменить черты лица, форму и устройство отдельных органов с помощью пластической хирургии, и даже сменить пол. Противозачаточные средства отменяют безусловную причинно-следственную связь полового акта с деторождением, а развитие методик искусственного оплодотворения и генные технологии отменяют безусловную связь деторождения с половым актом.

Эта ситуация является одним из проявлений всеобщего релятивизма современной культуры: характер личности человека в значительной степени определяется телом, но и характер тела в свою очередь определяется действиями личности в зависимости от её желаний и устремлений.

Всё это не может не порождать множества новых этических и религиозных проблем: проблема аборт (получившая совершенно новые политические, социально-экономические и научные аспекты), проблема генетической модификации и клонирования человека, проблема донорства половых клеток, проблема фармакологической коррекции поведения. Традиционные формы духовной культуры, являющиеся порождением цивилизации совершенно другого научно-технологического уровня, всё чаще оказываются неадекватными и неприменимыми в современных условиях, что рождает множество трудностей и даже открытых конфликтов.

Совершенно особое, как никогда важное место занимает тело в современном искусстве. Гипертрофия аудио-визуальных каналов в современной коммуникации порождает потребность в специальных телесных, в т.ч. и деструктивных практиках, способных компенсировать недостаток неаудио-визуальной информации. Телесная изобразительность в значительной мере уступает место осязательности. Художественную актуальность приобретают темы расчленения, убийства, смерти, замены живого неживым (киборгизации), путешествий внутри тела. Литература как сфера «логоса» вытесняется на периферию художественного опыта визуальным искусством. В самой литературе игра со словом заменяется игрой с телом, описанием различных телесных ощущений и манипуляций.

В философии интерес к телесности как важнейшему для человека проявлению материальности ярко проявился ещё раньше, в трудах А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, Л.Феербаха, К.Маркса, З.Фрейда, М.Хайдеггера. Впоследствии эта линия была подхвачена и развита в философии постмодернизма с его критикой «логоцентризма» классической европейской рациональности.

При этом телоцентричность отнюдь не является акцидентальной чертой современной культуры, напротив – это закономерное и неизбежное следствие наконеч-го свершившегося и продолжающего свершаться «осознания» культурой основополагающей роли тела и телесности в процессах культурогенеза и культурного бытия.

Боевые искусства как особый синтетический феномен, объединяющий культуру телесности с духовной культурой, наследие культуры традиционной с достижениями культуры современной – заслуживают самого

пристального внимания культуролога, занимающегося проблемами культурогенеза и межкультурных взаимодействий нашего времени.

Всё это делает боевые искусства и родственные им психофизические практики интереснейшим объектом для культурологического исследования, изучение которого может существенно расширить наши знания и углубить понимание не только традиционной культуры их исторической родины, но и современной культуры Запада и России как самих по себе, так и в их диалоге с культурой/ами Востока.

Объектом исследования являются межкультурные взаимодействия России и Дальнего Востока XX – начала XXI веков, как непосредственные, так и через посредство иных культур Запада.

Предмет исследования – боевые искусства и генетически родственные им психофизические практики дальневосточного происхождения, их функционирование и эволюция как феномена российской культуры физической и психической реабилитации и релаксации, а также влияние на культуру России в целом.

Цель исследования – выявить особенности исторического проникновения и инкорпорации дальневосточных боевых искусств в российскую культуру XX – нач. XXI вв., показать их роль в процессе культурного взаимодействия России и стран Дальневосточного региона и результаты этого взаимодействия как для самих дальневосточных боевых искусств в их новом ареале, так и для культуры России.

Задачи исследования:

1. Обозначить круг базовых понятий, необходимых для гуманитарного исследования боевых искусств. Проанализировать и в случае необходимости скорректировать или самостоятельно выработать их определения.

2. Предложить методологическую базу культурологического исследования боевых искусств.

3. Дать развёрнутые определения понятиям «Восток», «Запад», «Дальневосточный культурный регион» с точки зрения исторического развития и современного состояния наук о культуре. Выявить взаимные отношения определяемых ими объектов и место российской культуры в этом ряду.

4. Рассмотреть «картины мира» дальневосточной и западной культур в контексте исследуемой проблематики. Выявить те их специфические черты, которые определили причины и особенности возникновения, развития и межкультурной трансляции боевых искусств.

5. Рассмотреть традицию боевых искусств как специфический феномен дальневосточной культуры и его эволюцию в условиях культурной модернизации.

6. Описать историю и особенности интеграции боевых искусств в российскую культуру.

7. Показать результаты и наметить перспективы функционирования дальневосточных боевых искусств в качестве феномена российской культуры.

Степень разработанности проблемы:

Используемый культурно-исторический подход, основанный на выделении, описании и сравнении локальных культурно-исторических (культурно-цивилизационных) типов, базируется на концепциях Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилёва. Выделение культурно-цивилизационных парадигм более высокого порядка, объединяющих несколько культурно-исторических типов, основано на работах Э.Сэпира, Б.Л. Уорфа, А. Уотса, А.И. Кобзева, Е.А. Торчинова, Г.Ш. Чхартишвили и др.

При определении места российской культуры в мировом культурном пространстве как самобытной части европейской культуры за основу взяты результаты исследований Д.С. Лихачёва.

Поскольку дальневосточные боевые искусства и психофизические практики как целостные культурные феномены в своём возникновении, развитии и функционировании неразрывно связаны с философским наследием Дальневосточной культуры, то в качестве источников духовной составляющей изучаемых феноменов рассматриваются такие классические философские и религиозно-философские тексты, как И Цзин (Книга Перемен), Дао дэ цзин и другие даосские трактаты, Сунь Цзы, буддийские сутры. К этой же категории источников относятся труды теоретиков и практиков японского Пути воина (бусидо), а также тексты мастеров различных боевых искусств и мастеров дзэн.

В качестве источников информации непосредственно по теории и истории дальневосточных боевых искусств использованы работы наиболее крупных отечественных исследователей, таких как Н.В.Абаев, Н.М.Богачихин, И.А.Воронов, А.М.Горбылёв, А.А.Долин, А.М.Козлов, И.Б.Линдер, А.А.Маслов, Г.В.Попов, В.П.Фомин и др. Эти книги, написанные и изданные в разное время, могут послужить также источником информации о широком спектре и эволюции взглядов на боевые искусства в России. Некоторые из них содержат крайне ценные для тематики данного исследования, хотя и недостаточные по объёму информации разделы, посвященные истории дальневосточных боевых искусств непосредственно в России. Особо следует отметить монографию А.М.Козлова «История боевых искусств Востока», являющуюся на сегодняшний день наиболее полным и научно достоверным исследованием заявленной темы, доступным на русском языке.

Отсутствие на сегодняшний день сколько-нибудь полных исследований по истории дальневосточных боевых искусств и психофизических практик на отечественной почве привело к необходимости собирать и

систематизировать разрозненные сведения из описаний и практических руководств по тем или иным дисциплинам, периодической печати и интернета.

Данные и результаты исследования проверяются автором на практике при занятиях психофизическими дисциплинами (тайцзи-цигун) и близким по характеру прикладным рукопашным боем, а также общением с мастерами и адептами соответствующих направлений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Российская национальная культура, при всей своей многогранности и самобытности, исторически и типологически принадлежит к культурам Запада, если понимать под последним ту глобальную общность, которая сомасштабна Востоку. Следовательно, наиболее общие и существенные процессы и векторы культурного развития Запада в целом характерны также и для российской культуры.

2. Традиционная дальневосточная и традиционная (классическая) западная картины мира по ряду наиболее глубинных, основополагающих принципов являются диаметрально противоположными, взаимно альтернативными.

3. Быстрая модернизация западной культуры в Новое и Новейшее время привела к её отрыву от своих традиционных основ. Эта ситуация породила глубокий и масштабный кризис, выразившийся в неудовлетворённости человека Запада традиционными для его культуры формами духовности. В России последствия этого, общего для всего Запада, кризиса были многократно утяжелены вначале установлением идеологической монополии государства, последовательно боровшегося с любыми не вписывающимися в его идеологическую систему проявлениями духовности, а потом и крахом этой идеологической системы, создавшим в стране ситуацию «духовно-идеологического вакуума».

4. Традиционная культура Дальнего Востока на парадигмальном уровне оказалась более адекватной современному состоянию западной цивилизации, нежели традиционная (классическая) культура самого Запада. Именно поэтому так велик интерес к дальневосточному культурному наследию, в т.ч. к такой яркой и существенной его части, как боевые искусства.

5. Одним из аспектов общей недуальности мировосприятия на Дальнем Востоке является то, что в его традиционной картине мира отсутствует жесткое противопоставление телесного и духовного, столь характерное для Запада. Именно это позволило сформироваться на Дальнем Востоке уникальной комплексной традиции боевых искусств, не имеющей аналогов в других регионах мира.

6. Дальневосточная традиция боевых искусств ставит своей целью гармоничное развитие как тела, так и духа человека и не противопоставляет, а напротив – тесно увязывает эти задачи. Поэтому ей, в отличие от сугубо прикладных физических дисциплин (боевых техник, спортивных единоборств, оздоровительных систем и т.д.) имманентно присуще

собственное духовно-идеологическое содержание. В качестве своей духовно-идеологической базы эта традиция интегрировала в себя прежде всего теоретические и практические наработки таких религиозно-философских учений, как даосизм и дзэн-буддизм, а также, применительно к японской ветви – философское, этическое и эстетическое наследие бусидо.

7. Интегрируясь в западную, в том числе и в российскую культуру, боевые искусства выполняют функцию медиатора в кросс-культурной коммуникации. В этом качестве они способствуют, как непосредственно, так и опосредованно, распространению общемировоззренческих и общэстетических принципов дальневосточной культуры, а также вышеобозначенных конкретных элементов культурного наследия Дальнего Востока.

8. В России, в силу описанных выше причин, значение подобного влияния особенно высоко. Боевые искусства являются носителем чрезвычайно ценных в современных условиях идей и принципов (целостного, недualного восприятия мира, единства телесного и духовного начал, стремления к активному самосовершенствованию, разумного уважения к традиции, преодоления природной агрессивности, понимания необходимой и достаточной меры насилия и т.д.), способных сыграть и уже играющих немалую роль в заполнении «духовного вакуума» и развитии отечественной духовной культуры.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые с позиций культурологии исследуются дальневосточные боевые искусства как инновационный феномен духовной и физической культуры России. Впервые проведён системный анализ традиционной дальневосточной картины мира с целью выявления того комплекса её особенностей, который обусловил формирование в этом регионе традиции боевых искусств. Впервые выявлены связи между процессами общекультурной эволюции в России XX – нач. XXI вв. с одной стороны, и особенностями заимствования дальневосточных боевых искусств, а также процессом их функционирования и трансформации на новой почве – с другой.

Теоретическая и методологическая основа исследования обусловлена спецификой изучаемого материала и задачами исследования. В основу методологи положен системный подход к изучаемым явлениям. Используются историко-феноменологический, историко-типологический, компаративистский и структурно-функциональный методы в изучении феноменов культур Запада, России и Дальнего Востока.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что её результаты имеют значение для более глубокого понимания внутренних процессов в культуре России XX в., самого феномена дальневосточных боевых искусств, процессов межкультурного диалога и глобализации, могут

послужить теоретическим основанием для дальнейшего культурологического изучения этих феноменов.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования и собранные материалы могут быть использованы при чтении лекций по культуре России XX в., культуре стран Дальнего Востока, культуре телесности и т.д., организации занятий боевыми искусствами и психофизическими практиками в России в соответствии с особенностями национальной культуры и менталитета.

Апробация исследования.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теории и истории культуры РГПУ им. Герцена и была рекомендована к защите. Материалы диссертации апробированы в ходе чтения автором лекций по истории культур и цивилизаций. Основные положения диссертации нашли отражение в ряде публикаций.

Структура диссертации.

Диссертация общим объёмом 217 страниц состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, содержащего 179 источников.

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень её разработанности, формулируются цели и задачи исследования, определяются методологические основания, на которых строится работа, выделяются объект и предмет исследования, даётся краткая характеристика источников, раскрывается научная новизна, практическая и теоретическая значимость диссертации.

Глава первая «Теоретико-методологические основания исследования проблемы» посвящена анализу теоретических и методологических вопросов, связанных с исследованием дальневосточной традиции боевых искусств.

В первом параграфе «Основные понятия исследования» рассматриваются проблемы, связанные с недостаточной разработанностью и противоречивостью понятийного аппарата в сфере боевых искусств и предлагаются пути разрешения этих затруднений.

Приходится констатировать, что на данный момент терминология в этой области является не вполне сложившейся. В большинстве соответствующих текстов даже наиболее базовые понятия употребляются в том значении, которого придерживается конкретный автор, без каких бы то ни было объяснений или ссылок, почему это именно так. Однако и встречающиеся в специальной литературе определения зачастую расплывчаты и спорны, многие не удовлетворяют критерию необходимости или достаточности. Объясняется это относительной новизной данной темы в качестве проблематики западной гуманитарной науки и отсутствием обобщающих

работ, которые бы рассматривали боевые искусства и психофизические практики именно как феномены культуры. Кроме того, существующие книги и статьи по отдельным, более или менее узким вопросам являются в подавляющем большинстве не строго научными, а научно-популярными работами или практическими руководствами. К тому же они зачастую написаны авторами, на имеющими серьёзной общенаучной теоретико-методологической подготовки.

Список основных понятий, наиболее часто употребляемых для описания данной группы культурных феноменов, включает в себя такие понятия как: «военные традиции», «воинские искусства», «боевые искусства», «психофизические практики», «спортивные (спортивно-боевые) единоборства (англ. combat sports), «рукопашный бой (прикладной рукопашный бой)», «дзюцу» (яп. «воинская техника»), «до» (яп. «путь, принцип»). Некоторые из них уже имеют вполне устоявшиеся, чёткие и удовлетворяющие необходимым критериям определения, другие, напротив, не поддаются точным словесным дефинициям, например понятие «до» («дао») – Пути, основополагающее для всей дальневосточной культуры. В результате исследования очерченного круга явлений и анализа существующих попыток их описания был предложен ряд собственных определений:

Воинские искусства – это искусства (развитые техники, системы), использовавшиеся классическими воинами различного ранга – от рядового бойца до полководца – в процессе боестолкновения (поединка или группового сражения), а также в процессе непосредственной подготовки к нему. Такое определение будет отвечать критериям необходимости и достаточности, охватывая все дисциплины, традиционно относимые к воинским искусствам, и в то же время исключая то, что будучи связано с войной, не имеет прямого отношения непосредственно к бою (например искусство оружейников, строителей крепостей, картографию и т.д.), а также всё, принадлежащее уже следующей эпохе развития военного дела – эпохе доминирования солдата-гражданина, вооруженного преимущественно огнестрельным оружием.

Спортивно-боевые единоборства – это системы подготовки, ставящие своей основной целью победу занимающегося на соревнованиях. Поэтому исходя из своего целеполагания спортивно-боевые единоборства существенно отличаются как от классических воинских так и от современных рукопашных и иных боевых систем, направленных на подготовку исключительно к реальному бою. Однако спортивные единоборства как минимум существенно, а порой и радикально повышают боевой уровень занимающегося и его шансы на победу в реальном бою, поэтому мы считаем целесообразным называть их спортивно-боевыми.

Наибольшее разногласия вызывает сам коренной для всей рассматриваемой культурной сферы термин «боевое искусство». **Боевое искусство** в широком смысле этого понятия, как целостная, развивающаяся во времени традиция, может включать (и обычно включает) в себя несколько

преемивающих друг другу этапов. Оно всегда зарождается как воинское искусство (*дзюцу*), потом чаще всего развивается в собственно боевое искусство в узком смысле (*до*); от воинского или боевого искусства может брать начало спортивно-боевое единоборство и чисто спортивная, не имеющая уже никакой боевой направленности система (например современное спортивное *ушу*); из воинского же искусства может развиваться и психофизическая практика (психомоторная гимнастика), как, например, произошло в тайцзи-цюань. Однако генетическая связь психофизической практики с воинской традицией может и вообще отсутствовать, или во всяком случае не прослеживаться, примерами чему является цигун и даосская «внутренняя алхимия», а также все психофизические практики неазиатского происхождения.

Что же касается собственно **боевого искусства** в узком смысле этого понятия, то мы предлагаем определять его как систему, ставящую своей целью гармоничное развитие как физического и психического в их прикладном боевом аспекте, так и духовного потенциала человека в их неразрывной связи, развития одного через другое без их противопоставления.

Психофизическая практика – это сложная система, содержащая в себе в качестве своих элементов различные феномены духовной (философские идеи, методы психорегуляции и медитации и т.д.) и физической (приёмы, методы тренировки и т.д.) культуры, и структурно объединяющая их с целью преобразования человека как целого, в неразрывной связи его физического, психического и духовного аспектов.

Второй параграф «Методологическая база культурологического исследования боевых искусств» посвящен рассмотрению возможных подходов и методов при изучении боевых искусств в рамках культурологии. Отмечена необходимость применения системного подхода, объединяющего в себе элементарно-структурный анализ с функциональным и историческим и заключающегося в трёхстороннем рассмотрении изучаемого объекта: на предметном, функциональном и историческом уровнях. Сообразно комплексному психофизическому характеру рассматриваемых систем можно выделить в них две основные подсистемы, условно называемые духовной (её элементы – философские идеи, методы психорегуляции и медитации и т.д.) и физической (состоящей из приёмов, методов тренировки и т.д.). Поскольку боевые искусства являются сложными системами, постольку же следует говорить об их внешней полифункциональности. Исторический анализ предполагает исследование генетического аспекта бытия объекта и построение прогностической модели его дальнейшего функционирования и трансформации.

Весьма затруднительным, а во многих случаях и совершенно невозможным является получение статистических данных о занимающихся психофизическими практиками. Так происходит, во-первых, потому, что официально занимающиеся рассредоточены по огромному количеству различных организаций, федераций, клубов и т.п., учитывающих, разумеется, только своих членов. Во-вторых, – из-за наличия значительного количества

«скрытых адептов» – индивидуалов и членов малых незарегистрированных групп, не поддающихся учёту. Поэтому в области социологических исследований в данном случае более перспективным представляется метод опроса репрезентативных групп, а не попытки компиляции и приведения к «общему знаменателю» разнородных статистических данных.

Вторая глава «Историко-культурный контекст эволюции и функционирования боевых искусств» описывает на основе анализа «картин мира» наиболее общие базовые особенности культурных систем и их эволюции, во-первых сделавшие возможным появление развитой комплексной традиции боевых искусств на Дальнем востоке и только там, во-вторых – обусловившие широкий интерес к ним в России последнего столетия. Также рассматривается феномен дальневосточных боевых искусств как таковой и его эволюция в условиях перехода от традиционной культуры к инновационной.

В первом параграфе ««Восток», «Дальневосточный культурный регион», «Запад» и место российской культуры в этом понятийном ряду» определяются и обосновываются топологические границы этих культурных регионов, структура соподчинения их возможных внутренних частей и статус в качестве составляющих культурных систем более высокого порядка. Рассматриваются две основные проблемы: во-первых обоснование понятия «Дальневосточный культурный регион» (или, для краткости, просто «Дальний Восток») в качестве особого культурного единства, чётко отграниченного от соседних культур, а также выяснение его соотношения с таким традиционным для Западной (и Российской в том числе) культуры понятием, как «Восток» в широком смысле этого слова. Во-вторых – определение характера и статуса Российской культуры в ряду других, прояснение спорного вопроса о её равновеликости Европе, Западу, Востоку и т.д., или же напротив – подчинённости и включенности в какой-либо из этих культурных ареалов.

Можно выделить два основных традиционных для гуманитарной науки подхода к решению поставленных вопросов. Согласно первому – европоцентристскому (его также можно назвать дуалистическим или востоковедным) – объективно существуют Запад, к которому относится Европа, а после окончания колониальной эпохи также Америка и Австралия; и Восток, куда включаются все остальные достаточно древние и развитые из существующих ныне культурных регионов: Индия, Китай, Тибет, Япония, Корея, Исламский мир, а также евразийские степи и иногда – Закавказье. Россия здесь либо относится к Западу, либо же занимает переходное, промежуточное положение между Западным миром и Востоком. Как вариант последней точки зрения, весьма популярный в самой России под именем «евразийства», существует представление о нашей стране как не столько переходном междуполярном феномене, сколько самостоятельном полюсе мировой культуры, равновеликом и Западу, и Востоку.

С окончанием эпохи колониализма (сер. XX в.) исчезли и какие-либо объективные основания для разделения на «Восток» и «Запад» в вышеописанном виде. Субъективные же были изжиты развитием и успехами самого востоковедения и гуманитарного знания в целом, которое по мере накопления научного материала и его теоретического осмысления, вынуждало отказаться от концепции «экзотизма» в пользу гораздо более сложного представления о типичности и самобытности отдельных черт культуры всех без исключения стран, каковы бы черты обусловлены законами развития культуры.

Помимо отсутствия достаточных оснований в настоящее время, дихотомический европоцентристский подход представляется неприемлемым также и потому, что критерии определения объекта исследования обусловлены здесь не существенными свойствами самого объекта, а лишь отражают определённый исторический этап становления гуманитарной науки, т.е. относятся не к предметной области самой дисциплины, а к внешней по отношению к дисциплине области её истории.

Второй из рассматриваемых глобальных подходов – цивилизационный (поликультурный, типологический) – постулирует наличие многих самостоятельных, одноуровневых (или относительно одноуровневых), географически обособленных культурных образований, являющихся основными единицами данных классификаций, а также образований негативного («отрицательные деятели» Данилевского, «антисистемы» Гумилёва) и просто низшего порядков. В целом все эти теории укладываются в рамки одной культурологической парадигмы. Наиболее известные и детально разработанные концепции этого типа принадлежат Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилёву.

В концепциях, представляющих собой различные варианты цивилизационного подхода, Дальний Восток либо является единой, самостоятельной и не входящей в какие-либо объединения более высокого порядка цивилизацией, называемой «китайской», либо же распадается на две цивилизации – Китай и Японию (у Тойнби – вместе с Кореей), которые, в свою очередь, либо также совершенно независимы (Гумилёв), либо родственны (Тойнби).

Будучи прекрасным инструментом выявления и объяснения культурных различий, цивилизационный подход зачастую упускает из виду черты сходства и процессы влияния культур друг на друга. Совершенно обоснованно отделяя друг от друга, к примеру, Китай, Индию и Тибет, он решительно «не замечает» того, что эти культуры являются представителями некоего, ничуть не хуже научно обосновываемого единства более высокого порядка, т.е. культурно (а не только акцидентально-исторически) они на порядок ближе друг к другу, нежели, скажем, к России или Ирану.

На наш взгляд, наиболее адекватную для задач данного исследования схему предложил известный современный востоковед и буддолог Е.А. Торчинов, считавший «Запад» единой относительно гомогенной историко-

культурную реальностью, а под Востоком понимавший прежде всего Индию и Китай с их «культурными проекциями» в первом случае на Южную и Юговосточную Азию и Гималаи, а во втором – на Корею, Японию и Вьетнам. Предлагаемый взгляд отчасти примиряет между собой вышеописанные традиционные подходы – европоцентристский и цивилизационный, заимствуя и творчески переосмысливая наиболее сильные стороны каждого.

Данный подход также решает и вопрос о пресловутом «восточном» характере российской цивилизации и культуры. Если понимать под Востоком культурологически хорошо обосновываемое единство культур, связанных прежде всего распространением буддизма и разделяемых им мировоззренческих установок, то сам собой снимается вопрос о принадлежности России к Востоку, пусть даже принадлежности не полной, а лишь частичной.

На принадлежности России именно к Западу, к Европе настаивал и такой несомненный авторитет в исследовании отечественной культуры, как академик Д.С. Лихачёв, отмечавший, что для понимания её истории гораздо более актуальна оппозиция «Север – Юг», нежели «Запад – Восток», а Россия в своём генезисе – это не столько «Евразия», сколько «Скандославия» или «Скандовизантия».

Разобравшись с обобщающим, родовым понятием «Восток», перейдём к конкретизации области нашего исследования, т.е. основаниям выделения внутри Востока Дальневосточного культурного региона. Объединение Китая, Японии, Кореи и Вьетнама в особый культурно-исторический тип вызывает гораздо меньше вопросов, нежели проблема Востока вообще. Дальний Восток обладает целым рядом уникальных характеристик, чётко выделяющих его среди иных стран и регионов. По сравнению с картиной мира Востока вообще, рассматриваемые страны демонстрируют ряд отличий, с одной стороны достаточно существенных, чтобы можно было уверенно говорить об особом дальневосточном типе культуры, с другой – недостаточных для полного отчленения этих стран от других частей Востока, и, главное, компенсируемых общевосточным культурным универсализмом более высокого порядка. На наш взгляд, культурное своеобразие Дальнего Востока связано в первую очередь с распространением и доминированием там трёх великих учений – двух религиозно-философских и одного социально-политического (хотя названное разделение в значительной степени условно): буддизма в его особой дальневосточной форме, даосизма и конфуцианства. Одним из ключевых моментов явилось также формирование единого письменного пространства дальневосточной культуры на основе китайской иероглифики. Разумеется, в качестве факторов, позволивших реализоваться вышеописанным феноменам, следует назвать природно-исторические: географическую близость и сходство природно-климатических условий, породивших сходную материальную культуру и формы хозяйственной деятельности.

Во втором параграфе ««Картины мира» дальневосточной и западной культуры» рассматриваются некоторые базовые характеристики

дальневосточной и западной культур, которые будучи связаны со всеми остальными сложной структурой взаимовлияний и взаимообусловленности (каковая и придаёт культуре системный характер), ярко проявляются на всех уровнях культурной системы, включая исследуемый здесь уровень культуры телесности. Картину мира в данном понимании можно назвать также гештальтом или «идеальным типом» в том смысле, какой вкладывал в это понятие Макс Вебер.

При этом нужно помнить об условности таких гештальтов. Будучи обусловленными нашим опытом наблюдения реальности, они ни в коей мере не являются фикцией. В то же время, ни один из действительных феноменов этой реальности, таких как культура того или иного народа, страны, географического региона не является полностью соответствующим этому гештальту.

В контексте рассматриваемого вопроса наиболее важной является оппозиция между дихотомичностью мировоззрения западного человека и холистичностью мировосприятия человека Востока. Во всех трёх главных центрах восточной культуры – Индии, Китае и Японии – он имеет своё название (инд. *адвайта*, кит. *буэр*, яп. *фуни*) и обнаруживается среди важнейших концепций доминирующих там (или, в случае Индии, доминировавших в период наиболее активной идеологической «экспансии») религиозно-философских систем. Для Индии это – буддизм, джайнизм и адвайта-веданта, для Китая и Японии – буддизм и даосизм (в Японии последний представлен не столько как самостоятельная чётко оформленная религия, сколько в виде заимствованной из Китая натурфилософской системы).

Наиболее важными в системе взаимообусловленных ментальных структур, определяющих способ мышления, являются понятия «вещи» и «процесса». От того, какое содержание вкладывается сознанием в эти категории, зависит сама структура этого сознания. Для нас сейчас важно то, что в классической культуре Запада «вещь» и «процесс» строго отделены друг от друга, и в этом смысле друг другу противопоставлены. В восточном же мышлении, напротив, эти категории практически сливаются, перетекая одна в другую. Для исходного центра распространения дальневосточной культуры и присущего ему специфического мировосприятия – Китая – холистичность задана уже на самом глубинном уровне мышления – в структуре самого китайского языка. Холистический, избегающий дихотомии характер дальневосточной культуры без труда просматривается во всех её подсистемах и на всех уровнях.

Что же касается Запада, то он, по причинам, связанным в первую очередь с историей происхождения своего культурно-исторического типа, склонен к чёткому противопоставлению и доведению противоположностей до логического предела. Мышление западного человека насквозь дихотомично, а его культурное пространство построено на бинарных оппозициях, таких как абсолютное – относительное, единое – множественное, рациональное – иррациональное, божественное –

человеческое, мужское – женское, телесное – духовное и т.д. Эти оппозиции кажутся нам абсолютно естественными, имеющими объективный онтологический статус, однако на самом деле обусловлены конкретной единичной культурной традицией. В других культурах они могут либо иметь иной – чаще всего существенно сглаженный и относительный – характер, либо вообще отсутствовать, как например оппозиция между божественным и человеческим на Дальнем Востоке.

Итак, классическая западная картина мира строится на чётких и явных оппозициях: вещь – процесс, тело – душа (дух), абсолютное – относительное, единое – множественное, человек – бог, рациональное – иррациональное, реальное – идеальное и т.д. Картина мира традиционной дальневосточной культуры, напротив, практически лишена этой дихотомичности, в основе своей холистична. Даже сами понятия, образующие на Западе оппозиции, на Востоке либо синонимичны (как «вещь» и «дело» в китайском языке), либо одно из них вообще отсутствует в языке (например «бог» в тех же китайском и японском до начала контактов с европейцами).

Западная антропология в своём генезисе основана на идеологии авраамических религий, в первую очередь на важнейшей её идеологеме об онтологическом разделении и противопоставлении тела с одной стороны и духа (или души и духа, как в христианстве) с другой. Впрочем, в не меньшей степени здесь можно усмотреть проявление общего аналитического характера западного мышления, который был унаследован им от античности. Не случайно, классическая западная картина мира вообще и конкретно – западная антропология очень много взяла не только от авраамической, но и от античной традиции, в первую очередь от того вектора античной мысли, который был связан с платонизмом. Сочетание двух исходных для Запада традиций породило уникальную Западную концепцию человека.

Таким образом, различные уровни функционирования человека – уровень физический и уровень высшей психической деятельности (сознания) – были постулированы в виде отдельных сущностей – тела и души (или тела, души и духа, как в христианстве). Единое человеческое существо оказалось разделено на ряд имеющих онтологический статус сущностей, противопоставленных и противостоящих друг другу.

Важной и неизбежно вытекающей из авраамической идеологии чертой западного типа культуры является также её антропоцентричность. Причём, антропоцентризм этот появляется не в Новое время, а фактически с самого начала западной истории, поскольку, как и дихотомичность, был предзадан Западу уже при рождении. В основе его лежал персонализм иудейского монотеизма, перенятый от него двумя другими авраамическими религиями.

Культура Дальнего Востока и в своём антропологическом аспекте демонстрирует недualьную холистичность. Она скорее натуроцентрична, в фокусе её картины мира – Вселенная в её неразрывном единстве. Здесь нет принципиального разделения между богом и человеком, творцом и творением, духом и телом.

Человек в дальневосточном понимании представляет собой, по-сути, вещь в ряду других вещей, составляющих Вселенную, которая, включая в себя всё сущее, сама является такой же вещью. Отсюда совершенно естественно вытекает и отсутствие в традиционной китайской культуре дихотомии между духовным и материальным, поту- и посюсторонним. Та же картина наблюдается и в других странах дальневосточного региона. Итак, можно с уверенностью констатировать, что все области дальневосточного культурного региона выработали, отчасти самостоятельно, отчасти и в гораздо большей степени – в результате влияния из культурного центра (китайская натурфилософия, даосизм) и даже извне (буддизм), чёткое и последовательное представление о единстве материального (телесного) и духовного. *Именно отсутствие в культуре Дальнего Востока онтологического дуализма духа и материи, отсутствие жесткого противопоставления духа и души физическому телу позволило сформироваться в этом регионе уникальной традиции боевых искусств и психофизических практик.*

Однако всё это само по себе не только не отвечает на вопрос, почему дальневосточная традиция боевых искусств была востребована именно западной культурой, но более того – усугубляет проблему: как может одна культура заимствовать порождения другой, столь принципиально отличной от неё по самым глубинным своим основам? Ответ, на наш взгляд, коренится в том, что приблизительно за последнее столетие сама культура Запада очень быстро и коренным образом эволюционировала, всё больше отдаляясь от своей классической формы и приближаясь, как это не странно, во многих базовых аспектах своего мировосприятия к традиционной дальневосточной культуре.

Уже в Новое время, когда гештальт западной культуры предстаёт в своей максимально оформленной и реализованной форме в Западной Европе, но ещё до начала какого-либо систематического знакомства с философским наследием Востока, европейская мысль демонстрирует примеры самостоятельной разработки созвучных ему идей. Начало доминировано в самой западной мысли идей и подходов, созвучных идеям и подходам Востока, приходится на вторую половину XIX в. и связано уже не столько с развитием европейской философии, сколько с успехами европейской науки, в первую очередь физики. И отнюдь не случайно, что именно в этот период начинается также систематическое изучение культуры Востока вообще и его философского наследия в частности. Потребность породила интерес, реализовавшийся в первую очередь в доминантной для западноевропейской цивилизации того времени научной сфере, но отнюдь не только в ней. Начавшееся тогда увлечение Востоком затронуло самые разные сферы западной культуры.

В современном мире существуют лишь две цивилизационные парадигмы, с полным правом заслуживающие этого наименования. Та, что в генезисе была западной (в широком понимании термина «Запад»), своего наивысшего развития достигла как евро-американская, и уже в качестве

таковой в эпоху глобализации постепенно становится одним из важнейших – если не важнейшим – источником парадигмы общемировой. Другая же – восточная, принципиально отличающаяся, как мы видим, от западной по ряду основополагающих аспектов. Она смогла не только воплотиться в высокоразвитую культуру, но и устоять под напором культурной экспансии Запада. И, что особенно важно, она не просто устояла, а оказалась способной к активному влиянию на сам Запад и деятельному сотворчеству с ним в процессе рождения глобальной общечеловеческой культуры. В этом смысле Дальний Восток представляет собой как бы чистый тип противоположной Западу культурно-цивилизационной модели.

Разумеется, заявленная выше взаимная альтернативность дальневосточной и западной парадигм проявляется лишь в типологическом аспекте, как альтернативность, максимальная «удалённость» друг от друга их условных моделей (гештальтов, идеальных типов), но не в аспекте конкретно-историческом. В этом последнем возможен и на наших глазах осуществляется синтез рассматриваемых парадигм.

Встреча Запада и Востока совершилась отнюдь не только на историческом поле. Она была подготовлена и обусловлена внутренним развитием самой западной культуры. Доведение ею своих глубинных потенций до предела потребовало некоей внешней дополнительности, на роль которой, по причине её полярности Западу, в максимальной степени подходит культура Востока. Её достоинство в данном случае заключается не в том, что она «лучше» Запада (подобные оценки вообще неприменимы в науке), а в том, что она *иная*.

По всей видимости, то же самое про потребность в «другом» следует сказать и о самом Востоке по отношению к Западу. Во всяком случае, стремительная вестернизация Востока в последние полтора столетия заставляет предположить именно это. Обоюдность, двунаправленность, этого процесса обмена и сближения культур, их взаимная заинтересованность друг в друге доказывает отсутствие каких-то априорных «преимуществ» одной перед другой.

Стремительный прогресс западной цивилизации в новое и новейшее время, привёл к её отрыву от собственной традиционной культуры, не успевавшей эволюционировать в том же темпе. В ещё большей степени это относится к России, где цивилизационный прогресс носил во многом искусственный, скачкообразный, судорожный, «догоняющий» характер.

Традиционная культура Дальнего Востока парадоксальным образом оказалась на парадигмальном уровне более адекватной современному состоянию западной цивилизации, нежели традиционная культура самого Запада.

Внутренняя эволюция западной культуры начиная с конца XIX в. и до настоящего момента – кардинальным образом изменила её картину мира по сравнению с классической, явившейся высшей точкой развития того вектора, который был задан Западу его родительскими традициями – авраамической религиозностью и античной (греко-римской) культурой. Положения новой

(неклассической) картины мира, потребовавшие осмысления и изменения все ментальной структуры, оказались в высшей степени созвучны традиционной культуре Дальнего востока, что породило огромный интерес к ней со стороны Запада и заимствование им многих её феноменов. В числе таких феноменов оказалась и дальневосточная воинско-психофизическая традиция, воспринятая как нечто, способное послужить одним из межкультурных медиаторов и удовлетворить новые потребности западного человека, в удовлетворении которых собственная традиционная (классическая) культура Запада оказалась помочь ему практически неспособна.

Третий параграф «Феномен дальневосточной традиции боевых искусств и его эволюция в условиях обновления культуры» посвящен обнаруживающему удивительную жизнестойкость и необыкновенную приспособляемость к разным социально-историческим и культурным условиям культурному феномену. Это коренное свойство традиции, пожалуй, в не меньшей мере, чем само ее экзотическое содержание, объясняет сохранение неизменной притягательности для представителей западной цивилизации в самом широком смысле этого понятия.

Существование боевых искусств в современном мире не лишено известной парадоксальности для западного сознания. Казалось бы, «традиционалистский» тип восточной культуры должен диктовать самой традиции очень жесткие условия и нормы. Однако широкое распространение этих традиций по земному шару доказывает, что ни национально-культурные, ни философско-религиозные, ни социально-политические барьеры не являются непреодолимым препятствием для их освоения. Боевые искусства (и, в несколько меньшей степени – небоевые дальневосточные психофизические практики) входят в повседневную жизнь, успешно культивируются в разных регионах, дают стимулы для культурно-спортивного межгосударственного обмена и консолидации (международные организации, чемпионаты и т.п.).

Вместе с тем особенности современной социокультурной ситуации стран-реципиентов дальневосточных традиций накладывают очень заметный отпечаток на их облик. Даже их удивительная жизнестойкость и гибкость, формировавшиеся веками, не могут сами по себе абсолютно гарантировать сохранение вектора развития традиции за пределами региона. Освоение традиции в иных социальных условиях неизбежно порождает множество проблем и противоречий. Суть их трудно понять вне общего контекста взаимодействия культур Дальнего Востока и Запада. Одна из основных тенденций здесь состоит в постепенном распаде боевых искусств и иных психофизических практик Дальнего Востока как целостной культурной традиции.

На современном этапе развития традиции дальневосточных боевых искусств в условиях взаимодействия культур Дальнего Востока и Запада она во многом утрачивает свою изначальную историко-культурную целостность и однородность. Наряду с сохранением (и возрождением) традиционного статуса ряда искусств *будо* на их основе обособляются восточные виды

спортивных единоборств, появляются их сугубо западные спортивные модификации, сохраняющие лишь внешнее сходство со своими видовыми и стилевыми прототипами. Одновременно происходит разветвление и расслоение самих традиционных систем. Помимо спорта, самостоятельное значение приобретает рукопашный бой и его антипод – лечебно-оздоровительная гимнастика, спортивно-оздоровительные методики адаптируются для занятий с женщинами, детьми, лицами пожилого возраста и т.д. В этих условиях происходит поляризация демократических и элитарных тенденций в освоении боевых искусств и психофизических практик Дальнего Востока как культурного наследия.

Самобытность дальневосточных боевых искусств как культурной традиции особенно очевидна в ее сопоставлении с другими национальными системами боевой подготовки, не говоря уже о разительном контрасте с западным спортом. Подобные сравнения неизбежно порождают вопросы о специфичности феномена боевых искусств и психофизических практик для дальневосточной культуры и об их исключительности в мировой истории и культуре.

На первый вопрос можно ответить утвердительно. Сама культура определяет специфику боевых искусств и психофизических практик Дальнего Востока в их традиционной целостности.

Пути экономического, социально-исторического и культурного развития в странах Запада и Дальнего Востока оказались весьма различными. Социальный и технический прогресс, капиталистический способ производства в Европе, естественно, вытеснили народные и профессиональные традиции, связанные с феодальным или общинно-родовым укладом. Восток, особенно Дальний, в этом отношении оказался более «консервативным», его традиции – более жизнестойкими, а механизмы передачи культуры последующим поколениям – более устойчивыми. Как один, так и второй вариант, разумеется, имел свои положительные и отрицательные стороны для культуры.

Глава третья «Процесс инкультурации и результаты освоения боевых искусств в российской культуре» посвящена функционированию и эволюции дальневосточной традиции непосредственно на новой «культурной почве».

Первый параграф «Историческое своеобразие интеграции дальневосточных боевых искусств в российскую культуру» описывает как акцидентальную, конкретно-историческую, так и более глубинную причинность, лежащую в сфере культурных инвариантов, а также непосредственные исторические следствия действия этих факторов.

Факт увлечения Востоком (особенно Дальним, а также Индией и Тибетом) и масштабы этого увлечения свидетельствуют о том, что человек в России (как и вообще на Западе) испытывает неудовлетворённость не только прагматизмом западной цивилизации (тем более, что преобладание его на Западе по сравнению с Востоком вообще весьма спорно и является скорее расхожим штампом), но и теми традиционными формами духовности и

вообще многими формами культуры, которые сама эта цивилизация несёт в себе в качестве противовеса своей прагматичности.

Историю интеграции дальневосточных боевых искусств в культуру России можно разделить на 3 больших периода:

1. Рубеж XIX-XX вв. – 50-е гг. XX в.

В целом этот период характеризуется взглядом на боевые искусства как на некую «заграничную экзотику», которую, тем не менее, можно и нужно перенимать и приспосабливать для решения чисто практических проблем: вначале для самообороны безоружных обывателей от преступных посягательств, а впоследствии, когда в связи с развитием тоталитарного государства эта задача всё более и более теряла фактическую легитимность – для армейских (РККА) и полицейских (НКВД) нужд. Восприятие в этом качестве различных боевых дисциплин дальневосточного происхождения не отличалось от восприятия ставших известными в России несколько ранее и активно осваиваемых в этот период европейских дисциплин – бокса и различных видов борьбы. Ни о каком постижении или даже просто серьёзном интересе к философской, этической и эстетической составляющей дальневосточной традиции боевых искусств тогда не могло быть и речи. Помимо естественной для периода первоначального знакомства недостаточности информации об этих аспектах, заинтересованность в них коренным образом противоречила бы преимущественно утилитарно-практической направленности мышления той эпохи и её преобразовательному пафосу, направленному на внешний мир, а не в глубины человеческого духа. Существенно также, что круг людей, занимающихся восточными боевыми искусствами или хотя бы серьёзно о них осведомлённых, был крайне узок. Следовательно, о каком-либо заметном культурном влиянии на Россию/СССР того периода, за исключением собственно сферы физической культуры, говорить не приходится. Однако, при непосредственном и основополагающем участии японских боевых искусств (в основном дзю-дзюцу и дзю-до) тогда была заложена база для развития собственной отечественной традиции (в первую очередь самбо), которой предстоит потом активно взаимодействовать со вторично пришедшей в Россию дальневосточной.

2. 60-е – 80-е гг. XX в.

С начала 60-х гг. в СССР начинается подготовка спортсменов для участия в олимпийских соревнованиях по дзюдо, секция дзюдо открыта при Федерации самбо СССР. Однако дзюдо (ограниченно известное в стране и ранее), широко распространившееся в это время, представляло из себя чисто спортивную дисциплину и не несло с собой практически никакого культурного содержания, за исключением разве что экзотического названия спортивной формы и терминологии на японском языке. История распространения дальневосточной традиции боевых искусств в СССР 60-х – 80-х гг. связана почти исключительно с другим известнейшим их направлением – каратэ. Было бы ошибкой полностью отрицать существование любых других направлений с Советском Союзе тех лет,

однако их крайне малая распространённость и ничтожная известность низводит их до положения единичных исключений на фоне общей картины. Ещё более усугубляет факт тотального господства каратэ то, что все другие направления существовали как бы в его тени, воспринимаясь и массовым сознанием, и государством как его разновидности. Так, например, запреты каратэ автоматически распространялись и на любые другие восточные боевые искусства, различий между ними не делалось.

Каратэ начало распространяться в СССР в нач.-сер. 60-х гг. Первыми носителями этой традиции в нашей стране были обучавшиеся в советских вузах иностранные студенты, сотрудники зарубежных компаний, и овладевшие основами каратэ во время зарубежных командировок советские специалисты.

Крайняя недостаточность связей советских адептов каратэ с исходной традицией в описываемый период приводила к тому, что более-менее осваивалась лишь сугубо прикладная сторона этого искусства, превращавшегося в значительной степени просто в разновидность рукопашного боя. Реальная информированность о духовных аспектах практики и философской базе каратэ оставалась весьма низкой. Вместе с тем, генетическая связь каратэ с традиционной культурой Дальнего Востока порождала ряд устойчивых ассоциаций, неизменно в той или иной степени спутствовавших восприятию феномена каратэ в СССР. Это, а также факт заимствования с Запада (к которому массовое сознание того времени относилось и Японию как развитую капиталистическую страну) придавало каратэ явный «налёт» контркультурности. Указанная тенденция превращения каратэ в эффективную (аналогов по этому признаку в тогдашнем СССР не было, во всяком случае в открытом доступе), но практически лишенную каких-либо философских и моральных принципов «голую» технику, способствовала, помимо прочего, криминализации каратэ.

Любое более-менее значительное социальное явление согласно идеологии и практике тех лет должно было быть поставлено под государственный контроль. С этой целью в 1978 Спорткомитет СССР издал приказ "О создании комиссии по борьбе каратэ". Каратэ стало 52-м видом спорта, официально признанным в СССР.

Официальное т.н. «советское спортивное каратэ» пропагандировалось самым активным образом, в т.ч. в кинематографе тех лет. Ещё большее влияние оказало начавшееся в эти годы распространение видеомагнитофонов среди советских граждан, вылившееся впоследствии в настоящий видеобум рубежа 80 – 90-х гг. Среди кинопродукции, сделавшейся доступной на видеокассетах, значительную долю составляли «фильмы с боевыми искусствами» – жанр, переживавший пик популярности в капиталистических странах, как тогда было принято говорить – «на Западе». Популярность этих фильмов в стране, особенно среди молодёжи, была огромной, их героям стремились подражать во всём.

Однако в 1983 г., не просуществовав в своей «официальной ипостаси» и пяти лет, каратэ в СССР было вторично запрещено. Исключение было сделано лишь для ряда ведомственных секций.

Несмотря на это, советские энтузиасты, имевшие давний и богатый опыт пассивного противодействия государству, продолжили развивать «подпольное каратэ» (равно как и некоторые другие традиции). Также существовали и «полуподпольные» группы для сотрудников МВД и КГБ, их друзей и родственников, доступ в которые «людям с улицы» был закрыт.

В целом наблюдается та же тенденция, что и в первой половине века: вначале в стране получает распространение дальневосточная традиция (в 10 – 30-е гг. – дзюдзюцу и дзюдо; в 60 – 70-е – каратэ), потом государство стремится контролировать её развитие и распространение, а потом и вовсе препятствует знакомству с ней основной массы населения, оставляя лишь «для служебного пользования», или – в качестве исключения (как в 80-е) – для молодёжи лишь определённых социально-политических взглядов (военно-патриотические клубы). Вся духовно-философская составляющая традиции государственным структурами или просто игнорируется (как в официальном советском спортивном каратэ), или вообще заменяется на патриотическо-государственническую идеологию (к 70 – 80-м гг. начавшую уже явственно пропитываться духом национал-шовинизма). Последнюю черту от этих позднесоветских военно-патриотических клубов унаследовали в той или иной мере практически все возникшие позже группы и школы т.н. армейского рукопашного боя, «русские стили» единоборств и т.п. На этом фоне, даже при всех своих недостатках, подпольные энтузиасты каратэ и других восточных направлений, стремившиеся постичь не только технику, но по возможности и дух боевых искусств, являли собой достойную альтернативу попыткам превратить боевые искусства в «голую» прикладную или спортивную технику, в орудие государственной пропаганды, социально-политической субординации и т.п.

3. Рубеж 80 – 90-х гг. – настоящее время.

С отменой запрета каратэ начался новый, свободный от государственного давления период развития боевых искусств в нашей стране. Это положение окончательно укрепилось в связи с прекращением существования Советского Союза.

Также для этого периода нельзя выделить уже одного магистрального, влияющего на все остальные направления, каким в предыдущие годы было каратэ, хотя в целом оно продолжает удерживать первенство по популярности, количеству занимающихся, групп и т.д.

В описываемый период в России в той или иной степени отмечается присутствие практически всех более-менее известных из существующих на сегодня дальневосточных боевых искусств (дзюдзюцу, дзюдо, айкидзюцу, айкидо, кэндо и кэндзюцу, найдо, кюдо, ниндзюцу, кобудо, различные стили ушу, вьетвадоа и т.д.) во множестве их стилиевых разновидностей.

Помимо прагматического стремления к безопасности и физическому здоровью, а также духовных исканий и протестных настроений, были и иные

социальные предпосылки роста популярности боевых искусств на рубеже описываемых десятилетий. Лавинообразная криминализация российского общества в кон. 80-х – 90-е гг. повысила популярность и востребованность прикладных боевых искусств.

Вслед за «видеобумом» несомненный вклад в рост популярности боевых искусств и распространение сведений о них внёс и «издательский бум» 90-х гг., когда после затяжного периода крайнего недостатка литературы по соответствующей тематике она буквально хлынула потоком.

Причинно-следственная цепочка, приведшая к распространению в России дальневосточной традиции боевых искусств и психофизических практик, берёт начало в тех внутренних проблемы культуры, о которых говорилось в разделе, посвященном картинам мира Востока и Запада. В России эти, общие для всего Запада глобальные проблемы были усугублены и дополнены рядом конкретно-исторических факторов. В этой ситуации, среди прочих направлений духовно-идеологического поиска, активно осваиваемых в России, значительных масштабов достигла и заинтересованность в культурном наследии Дальнего Востока, способном помочь в решении насущных проблем в сфере духовной культуры. А следствием подобной заинтересованности явился, в том числе, и интерес к традиции боевых искусств и психофизических практик как существенной и яркой части этого дальневосточного наследия.

В России, где высок уровень уличной преступности, готовность решать проблемы дракой и просто драться без внешней причины, где в подростковой и молодёжной среде социальный статус её члена часто зависит от способности к физической защите – роль боевых искусств в качестве средства безопасности гораздо более актуальна, чем в среднем на Западе.

«Безопасность» в современной России является одним из ключевых понятий для всех уровней организации общества, начиная с общегосударственной политики и кончая частной жизнью граждан. Тело человека – единственное неотчуждаемое от него «оружие». Также и навыки боевых искусств, способные многократно повысить возможности этого тела, являются практически неотчуждаемыми, во всяком случае, в неизменённом состоянии сознания.

Заслуга традиционных дальневосточных боевых искусств в том, что они не только в значительной степени решают проблемы физической безопасности (как на объективном, так и на субъективном уровне), но и, привлекая возможностью решения этих проблем, несут в себе более высокое с точки зрения иерархии потребностей содержание, тем самым способствуя формированию гармонично развитой личности. Помимо физического развития они уделяют огромное внимание духовно-психологической стороне человека, стремятся совместить достижение безопасности и внутренней гармонии не разделяя и не противопоставляя этих целей.

Во втором параграфе «Результаты и перспективы функционирования дальневосточных боевых искусств в культуре России» рассматриваются

итоги – как уже наступившие, так и ещё только вероятные – тех культурно-исторических процессов, которые были описаны ранее.

Дальневосточные боевые искусства и психофизические практики послужили в последней четверти XX в. одним из основных стимулов интереса к дальневосточной культуре и одним из основных каналов проникновения этой культуры в Россию. Их роль в этом процессе особенно велика в области массовой культуры, где они действуют в роли трансляторов дальневосточного культурного наследия наряду с популярным кинематографом, мультипликацией аниме (которые сами в значительной степени являются трансляторами «мифа о боевых искусствах Востока») и др. Одновременно их роль заметна и в сфере культуры элитарной, определённое число представителей которой являлись или являются их поклонниками.

Если когда-то увлечение боевыми искусствами воспринималось в обществе с подозрением, а государством и вовсе ставилось вне закона, то к настоящему моменту оно прочно заняло место в ряду уважаемых и поощряемых занятий. Сообщества адептов этих искусств и родственных им психофизических практик проделали путь от маргинальных групп энтузиастов до респектабельных общественных организаций, состоять в которых и руководить которыми ныне считается весьма престижным.

Одним из очень важных результатов распространения именно дальневосточных боевых искусств и родственных психофизических практик стало закрепление в массовом сознании самого понятия «боевое искусство» в его специфическом восточном понимании, совершенно нехарактерном для западной, а тем более российской традиционной культуры. Представление о таком типе боевого искусства, имеющего комплексную, духовно-физическую, психофизическую природу как о чём-то само собой разумеющемся настолько прочно вошло в современную культуру России, что породило уже на отечественной почве целое направление – т.н. «русские боевые искусства». Большинство из них носят характер псевдоисторических новеллов, пытающихся подражать настоящим восточным традициям в их базовой ориентации на совмещение духовного и физического аспектов, но при этом отрицающих (подчас весьма агрессивно) конкретное содержание этих традиций.

Следует заметить, что подобная ситуация не является исключительно российской особенностью и характерна для многих стран с высокой популярностью националистических и реваншистских идей, например для Японии или Республики Корея. Отличие же России от вышеназванных стран заключается в том, что там наиболее мощная или даже, по мнению некоторых, единственная по-настоящему заслуживающая права называться «традицией боевых искусств» – дальневосточная традиция является частью уважаемого и пропагандируемого националистами собственного культурного наследия. В России же эта традиция является заимствованной, более того – заимствованной из культуры, радикально отличающейся от собственной традиционной архаики. Соответственно, если для дальневосточных националистов обе стороны их боевых искусств – и прикладная и духовно-

идеологическая, оказываются равно приемлемыми и желанными, то для националистов российских/русских эти две стороны зачастую, если не с необходимостью, вступают в противоречие.

Подводя итог теме «русских боевых искусств», можно утверждать, что: а) определённые боевые традиции (техника боя и методы обучения бойца) на Руси/в России несомненно существовали; б) как и у подавляющего большинства народов, русские/славянские боевые традиции не достигли высокой степени развития, кодификации, теоретического осмысления и т.п., как это произошло на Дальнем Востоке, и потому говорить о традиционных русских/славянских воинских, а тем более боевых искусствах в том смысле, в каком говорят о таковых дальневосточных – некорректно; в) даже те традиции, которые реально существовали, в силу целого ряда причин (узкоспециализированный и сугубо утилитарный, либо напротив – низовой, народный празднично-ритуальный характер, настороженное отношение православной церкви, видевшей здесь пережитки язычества и т.д.) нашли крайне скудное отражение в исторических источниках, поэтому составить о них сколько-нибудь полное представление на нынешнем этапе развития науки невозможно, а все претендующие на это разработки современных энтузиастов являются в той или иной степени исторической фальсификацией; г) всё это ничуть не мешает развитию современных не претендующих на традиционность отечественных дисциплин, школ и стилей спортивной, прикладной, оздоровительной или смешанной направленности.

В связи с распадом СССР у восточных мастеров и адептов появилось гораздо больше возможностей посещать Россию, а у российских – страны традиционного распространения тех практик, которыми они занимаются. Обычными явлениями стали международные соревнования, семинары и мастер-классы с участием зарубежных авторитетов. Постепенно растёт количество и качество (в среднем) книг, пособий, курсов и т.п. вследствие глобализации и усиления интеграции со странами Дальнего Востока. Следствие – лучшая передача техники, контроль результатов занятий, коррекция ошибок и т.п., нежели раньше, т.е. более тесная интеграция с исходной традицией.

Вместе с тем можно ожидать дальнейшей модификации философской базы и технических приёмов дальневосточных боевых искусств и психофизических практик в России как в соответствии с особенностями российского менталитета, бытовой культуры, социальными потребностями и т.д., так и в связи с прогрессом науки. Это естественный процесс развития, аналогичный протекающему на родине описываемых практик. Однако в этой области важно соблюдать баланс между традициями и инновациями.

При всей важности вышеописанных явлений надо признать, что важнейшим результатом проникновения дальневосточной традиции боевых искусств в Россию с точки зрения исследования культуры является та роль кросс-культурного медиатора, которую эта традиция сыграла и продолжает играть в процессе трансляции дальневосточного культурного наследия в Россию. Функция боевых искусств как медиатора культурной коммуникации

осуществляется двумя основными способами: а) непосредственно во время занятий, через усвоение информации от учителя (сэнсэя, тренера, инструктора) и коллег-учеников, которая, в идеале, тесно увязывается с практическими действиями, что, в сочетании со специфической обстановкой, ведёт к более глубокому и заинтересованному восприятию; б) через самостоятельный поиск и усвоение информации (чтение классических и современных текстов, просмотр видеоматериалов, общение со специалистами и другими интересующимися данной тематикой людьми), заинтересованность в которой возникла под влиянием боевых искусств. Причём, если в первом случае субъект этой интеллектуальной коммуникации должен с необходимостью являться адептом какого-либо боевого искусства, то во втором это не обязательно. Весьма распространена ситуация, когда некто, воспринимая культурные (в первую очередь художественные) отражения традиции боевых искусств, подпадает под очарование «мифа боевых искусств», но при этом не становится их активным адептом. Но и в этом случае реализуется функция боевых искусств как коммуникативного медиатора. Таким образом аудитория идеологического воздействия дальневосточной традиции боевых искусств значительно шире, нежели круг непосредственно занимающихся ими. Так происходит своего рода диффузное распространение и пропагандирование культурно-идеологического наследия Дальнего Востока через посредство боевых искусств.

Результатом подобной кросс-культурной коммуникации может стать как более или менее адекватное понимание, так и его отсутствие, либо же отрицание воспринятых идей. В последнем случае идеологическое содержание традиции боевых искусств оказывается не столько источником новой информации, сколько провокативным стимулом, катализирующим процесс выработки и уточнения собственной позиции. В качестве примеров подобного рода можно привести уже упомянутые «русские стили», активно развиваемые и пропагандируемые в последние два десятилетия. В том же случае, когда интеллектуальное содержание традиции боевых искусств оказывается в достаточной мере воспринятым, реципиент входит в своеобразное неинституционализированное «духовно-интеллектуальное сообщество» адептов, являющееся для них общим интеллектуальным пространством передачи идей и порождения новых смыслов. Представители этого сообщества могут никогда не встречаться в реальности, могут вообще жить в разное время (в этом случае коммуникация между ними будет носить, разумеется, однонаправленный характер), но они будут при общении опираться на общий для всех них корпус понятий. Глубина и способ понимания, а также отношение к конкретным идеологемам в каждом конкретном случае может варьироваться в широких пределах, но несомненно наличие единого идеологического поля, теснейшим образом связанного с полем традиционной дальневосточной культуры.

Подводя наиболее общий итог, можно утверждать, что распространение в России дальневосточной традиции боевых искусств и психофизических практик способствует как обогащению отечественной культуры наследием

традиционной культуры Дальнего Востока, так и её обновлению и более тесной интеграции в глобализирующуюся мировую культуру.

Заключение.

В результате проведённых исследований получили подтверждение первоначальные положения, легшие в основу работы, а также получен ряд новых научных выводов. Российская культура в области взаимодействия с дальневосточной традицией боевых искусств демонстрирует те же тенденции, что и культура Запада в целом, с поправкой на некоторые особенности социально-политической истории России исследуемого периода. Общий для всей западной культуры духовный кризис, который был обусловлен явной недостаточностью своего традиционного культурного наследия в новых условиях, и который с особым драматизмом проявился в России, способствовал сильнейшему интересу к культуре Дальнего Востока как в наибольшей степени полярной собственной традиции, и потому максимально способной восполнить недостающее.

Специфические особенности дальневосточной картины мира, в первую очередь общая недUALность, холистичность мировосприятия, отсутствие резкого противопоставления между духом и материей, душой и телом сделали возможным формирование уникальной комплексной духовно-телесной, психофизической традиции, не имеющей аналогов в других регионах мира как по выдвигаемым и достигаемым ею целям, так и по степени разработанности и отрефлексированности принципов и методов достижения этих целей. Установка на гармоничное развитие тела и духа (психики) человека, развитие одного через другое без их разделения и противопоставления, сочетание собственной разработанной философской базы (в качестве основы которой выступают в первую очередь даосизм и дзен-буддизм, а для японских боевых искусств – ещё и традиция бусидо) со столь же разработанной системой методов физической тренировки отличает дальневосточную традицию боевых искусств как от западного спорта, так и от различных религиозных, мистических и прочих чисто идеологических учений.

Традиция боевых искусств является значительной составляющей культурного наследия Дальнего Востока. Её интеграция в российскую культуру служит мощным фактором распространения этого наследия, в первую очередь общемировоззренческих, этических и эстетических принципов традиционной культуры Дальнего Востока. Это крайне важно для населения современной России, ощущающего недостаточность существующей духовной практики как в количественном – по степени охвата, так и в качественном аспекте – по широте и разнообразию форм. Выработанные дальневосточной культурой за тысячелетия её истории принципы отношения человека к себе и миру, уважение к традициям, высочайшая роль духовности – всё это может стать и уже становится действенным противовесом тем нежелательным явлениям в сфере духовной

культуры, которые неизбежно сопровождают процессы модернизации и глобализации.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Антоненко Д.В. Бусидо в японской культуре// Штудии среди людей: Студенческий альманах гуманитарных исследований/ Общественная организация обучающихся "Аретэ", Выпуск 3: Доклады по выпускным квалификационным работам (факультет философии человека РГПУ им. А.И. Герцена), материалы открытых семинаров/ науч. ред. С.В. Полатайко; кафедра философии РГПУ им. А.И. Герцена – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена 2003. С. 8 – 12.

2. Николай Конрад о среднеазиатском ренессансе: проблема перехода. Материалы конференции. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых учёных «Тюрко-согдийский синтез и развитие проблемы культурного наследия». Ош: ККУ, 2004. С. 54 – 59.

3. Антоненко Д.В. Методология исследования психофизических практик как феномена культуры (на примере России)// Методология культурологического исследования (Культурологические исследования' 06): Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2006. С. 99 – 104.

4. Антоненко Д.В. Боевые искусства как феномен культуры// Глобэкси [Электронный ресурс]: Интернет-журнал АТиСО/ Академия труда и социальных отношений – Электрон. журн. – М.: АТиСО, 2009. – № гос. регистрации 0420900077. – Режим доступа: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Antonenko.pdf>, свободный – Загл. с экрана.

5. Антоненко Д.В. Об изоморфизме некоторых базовых концепций современной западной и традиционной восточной картин мира// Научно-теоретический журнал «Общество. Среда. Развитие» № 1(14)'10 – СПб.: Астерион, 2010 (март). С. 94 – 98.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 112. Подписано в печать 05.05.2010 г. Бумага офсетная.

Формат 60×84¹/₁₆. Объем 2 п. л. Тираж 100 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел. /факс (812) 275-73-00, 275-53-92, тел. 970-35-70

www.asterion.ru

E-mail: asterion@asterion.ru